

**КОММУНИКАТИВИСТИКА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ЭФФЕКТИВНОСТЬ
И ОПТИМИЗАЦИЯ
РЕЧЕВОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СОЦИУМЕ**

ББК 80+81.001.1
К 635

К 635 **Коммуникативистика в современном мире : эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме** : Материалы Третьей международной научной конференции (Барнаул, 24–29 апреля 2012 г.) / под ред. Н.В. Панченко, Т.В. Чернышовой, А.А. Чувакина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. 327 с.

ISBN 978-5-7904-1222-6

В центре сборника – осмысление и разработка различных аспектов речевой коммуникации, связанных с эффективностью и оптимизацией речевого взаимодействия в социуме, филологическим осмыслением коммуникативных отношений с позиций эффективности как важного фактора сохранения и развития социума, отдельного человека и человечества в целом.

В представленных в сборнике статьях на качественно новом теоретическом уровне, с учетом данных современной науки обсуждаются вопросы, ставшие уже традиционными (отдельные виды речевой коммуникации – политической, правовой, медийной, деловой, художественной, межкультурной и др.), и новые, обусловленные взаимным тяготением коммуникативных и филологических наук: коммуникативная история человечества, конфликтное и кооперативное в речевой коммуникации, современные технологии коммуникативной деятельности в образовании.

ББК 80+81.001.1

ISBN 978-5-7904-1222-6

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2012

Т.А. Волкова. Перевод экскурсии : коммуникативные стратегии и тактики экскурсионной речи.....	
К.Е. Гайер. Идеология читателя и ее представление в работах У. Эко.....	
Е.В. Грищенко. Концепт «совместность» и его отражение в современной политической коммуникации.....	
Е.В. Демидова. Художественный перевод как форма бытия текста.....	
А.П. Джура. Филологические проблемы идентификации философского текста : коммуникативный аспект (на материале произведения П.Д. Успенского «Четвертый путь» (P.D. Ouspensky «The Fourth Way»)).....	
Л.М. Дмитриева. «Азиатское» приграничье : языковая ситуация и контакты культур.....	
К.А. Кардаш. Преподавание китайского языка в высшей школе : Предпереводческий анализ художественного текста.....	
Л.А. Козлова. Метаязыковая рефлексия как предмет художественного осмысления и как регулятор межличностного общения.....	
Г.В. Куличкина. Межнациональная коммуникация в текстах отечественной региональной печати.....	
А.И. Куляпин. Идеологические фильтры в речевой коммуникации на уроках математики (1920–30-е годы).....	
И.С. Маслеников. Специфика функционирования обратной связи в диалогическом дискурсе терциарной речи.....	
Е.В. Осетрова. Историчность / традиционность устного канала коммуникации.....	
В.Т. Плахин, О.Т. Коростелева. «Невыносимая легкость бытия» (к проблеме соотносительности рекламы и мифологии).....	
В.А. Разумовская. Художественная коммуникация в ситуации художественного перевода.....	
С.А. Рисинзон. Этикетная составляющая институционального общения в конце XIX–начале XX веков.....	
М.Ю. Сидорова. Российский офис международной компании как коммуникативное пространство.....	
М.К. Тимофеева. Семантика жестовой коммуникации в системе автоматического сурдоперевода.....	
И.А. Широких, В.Д. Курилина. Об особенностях англоязычного путеводителя.....	
Э. Хоффманн. Пиво в маркетинговой коммуникации в Австрии и Чехии : пути выхода из кризиса.....	

РАЗДЕЛ 3 ЧЕЛОВЕК В КОММУНИКАЦИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

З.В. Баишева. Стратегии и тактики речевого поведения судебного оратора.....	
Л.О. Бутакова, Л.И. Бушусва. Интернет-коммуникация как среда существования гендерных стереотипов (на материале интернет-форумов России и Великобритании).....	
Дж. Джиганте. Трансверсальная коммуникация : российские писатели в чужой речевой культуре. О российских по рождению писателях, пишущих на «неродном» языке.....	
А.И. Кашаев. Когнитивная метафора в фармацевтическом маркетинге.....	

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ТЕРЦИАРНОЙ РЕЧИ

И.С. Масленников

Понятие диалогического дискурса, как правило, подразумевает наличие двух сторон, если каждая из них представлена более чем одним говорящим лицом. В свою очередь, любой языкового общения обязательно предполагает адекватное восприятие и декодирование речи со стороны его участников, то есть освоение речи. В этом случае, как подчеркивает В.В. Красных, можно говорить об успешной коммуникации, что невозможно без учета установления обратной связи и анализа ответной реакции, а также сопоставления с ожидаемым результатом и принятием на этой основе решений относительно дальнейшего протекания речевой деятельности и коммуникации в целом [Красных, 2001, с. 172–173]. Под обратной связью мы понимаем получение субъектом восприятия от партнера по общению сведений относительно того, как, каким он воспринят.

Механизм обратной связи заключается в том, что коммуникатор только тогда поймет, что его информация интерпретирована правильно, когда произойдет смена ролей: когда реципиент превратится в коммуникатора и своим высказыванием подтвердит, что он понял смысл информации.

При этом чрезвычайно важно не сводить процесс коммуникации к простой сумме отдельных актов передачи информации. Даже тогда, когда партнер отреагировал на замечание собеседника взглядом или молчанием, обмен информацией состоялся: тот, кто провозглашал информацию получил от слушателя коммуникативный знак в виде отсутствия видимой реакции или невербальной знаковой системы. То есть отношение к коммуникатору и его словам может быть в различной степени завуалированным, однако оно сочетается в вербальных и невербальных средствах передачи информации: в репликах и таких невербальных знаках, как осанка, мимика, жесты, интонация и т.п. Итак, канал обратной связи есть в любом общении. Его цель – способствовать улучшению взаимопонимания. Именно благодаря обратной связи коммуникация приобретает значимость в психологическом, социальном, социально-психологическом контексте. В условиях диалога, когда последовательно изменяются роли участников общения (коммуникатор превращается в реципиента и наоборот), обратная связь помогает обогащению и развитию коммуникации.

На наш взгляд, интересным является изучение особенностей обратной связи в диалогическом дискурсе в присутствии третьего лица, так как общающиеся часто так или иначе фиксируют и пытаются адекватно (вербально и / или невербально) реагировать на присутствие некоммуниканта.

В данной статье мы ставим цель фрагментарно рассмотреть специфику функционирования обратной связи в диалогическом дискурсе терциарной речи. Раскроем понятие *терциарная речь*. По определению В.К. Харченко, *терциарная речь* – это диалог в присутствии лица (лиц), не участвующего в разговоре (то есть молчащего наблюдателя), но влияющего на речевое и невербальное поведение коммуниканта / коммуникантов и фактом своего присутствия формирующего особый вид диалога – триадный диалог [Харченко, 2008, с. 93]. Суть феномена терциарной речи заключается в том, что, если человек знает, что его слушают, он будет вести себя и говорить иначе, чем в том случае, если это ему не известно. Молчащий наблюдатель своим присутствием при двустороннем речевом общении воздействует на активных членов триады, модифицирует форму и содержание терциарной речи (диалога), превращая *диадду* в *триаду*. Вследствие этого под «триадным диалогом», или «диалогом в триаде», имеется в виду терциарная речь активных членов триады в присутствии молчащего наблюдателя. Благодаря указанной коммуникативной роли молчащий наблюдатель становится значимым и неотъемлемым компонентом коммуникативной ситуации терциарной речи и фактором, оказывающим влияние на психологический фон общения [Бабаян, 2009, с. 16]. Итак, *триада* «представляет собой двусторонний речевой обмен (диалог) в присутствии третьего лица, то есть молчащего наблюдателя» [Бабаян, 2008, с. 94].

Взаимоотношения членов триады могут быть чрезвычайно разнообразными и определяться динамикой раскрытия тезаурусов активных членов триады и их адресованности / неадресованности к молчащему наблюдателю. Классифицировать диалогический дискурс в триаде можно

лингвосоциально-психологическому портрету как самих активных членов триады, так и молчащего наблюдателя, некоммуниканта:

- 1) по возрасту;
- 2) по полу (гендерному признаку);
- 3) по месту жительства и национальности (географическому признаку);
- 4) по образовательному, профессиональному и культурному признаку;
- 5) по месту ведения разговора;
- 6) по степени известности / знакомства;
- 7) по ситуационной (пространственно-временной) характеристике речи;
- 8) по социальным связям (статусно-ролевому признаку).

Говоря о многообразии отношений, возможных между двумя и более людьми, следует иметь в виду, что оно не бесконечно. По мнению О. Розенштока-Хюсси, возможны следующие типы комбинации или чистых форм этих отношений:

– говорящий и слушающий единоклюбно, настроены на общий лад. Они соглашаются между собой;

– говорящий и слушающий «сомнительны» друг для друга, разобщены и настроены по-разному. Друг другу они чужие.

– слушающий зависит от говорящего, поскольку говорящий уже совершил какое-то действие;

– говорящий зависит от слушающего, ожидая от него каких-то действий в ответ на свои слова [Розеншток-Хюсси, 1994, с. 124].

Следует согласиться с точкой зрения Е.Ф. Тарасова, который полагает, что информативные средства общения можно определить как знаки-признаки эмоционального состояния, коммуникативную деятельность, которая, естественно, может передаваться и третьему лицу именно в виде знаков-признаков [Тарасов, 1977, с. 93].

Само присутствие молчащего наблюдателя эксплицитно (подсознательно или сознательно) фиксируется коммуникантами в рамках конкретного речевого обмена, влияет на содержание и форму диалогического дискурса активных членов триады, что и дает основание исследователю включить молчащего наблюдателя в данную коммуникативную ситуацию и учитывать факт его включенности в акт коммуникации. Естественно, что активные члены триады будут по-разному реагировать на присутствие молчащего наблюдателя. В каждом конкретном случае влияние присутствующего молчащего наблюдателя на самих активных членов триады и на их диалог будет различным. Это естественно, так как активные члены триады и молчащий наблюдатель могут относиться к разным возрастным, профессиональным и социальным и другим группам, могут являться представителями одной или разных лингвокультур, могут оказаться в разных ситуациях, и каждый из перечисленных / неперечисленных факторов будет накладывать свой отпечаток на процесс развития диалога.

Итак, взаимоотношения членов такой триады могут быть чрезвычайно разнообразными и определяются динамикой тезаурусов основных активных участников разговора и адресованностью / неадресованностью их речи к молчащему наблюдателю.

Молчащий наблюдатель, естественно, по-своему воспринимает и истолковывает речь (со своей точки зрения, исходя из своих интересов), хотя ему речь непосредственно и не адресована. Наблюдатель в известной мере влияет на ход общения, он включается в коммуникативную ситуацию. То, как молчащий наблюдатель воспринимает и интерпретирует конкретное речевое общение, естественным образом формирует и его отношение как к теме разговора, так и к самим активным членам данного коммуникативного акта (общающимся).

Разумеется, оценив свои позиции с учетом присутствия молчащего наблюдателя, активные члены триады продолжают общение, меняя роли «ведущего» и «ведомого», их тезаурусы образуют разную динамику. По мнению А.А. Бодалева, путем визуального восприятия ролевых знаков коммуниканты строят гипотезы о социальных характеристиках друг друга, намеренно или ненамеренно демонстрируют знаки своего статуса, корректируют свои гипотезы [Бодалев, 1982, с. 33]. Можно предполагать, что уточнение гипотез об апперцепционных способностях и статусах коммуникантов происходит одновременно, ибо те и другие гипотезы строятся на основе одних и тех же ролевых знаков.

Присутствие молчащего наблюдателя может оказаться внешним социально-психологическим барьером и заставить активных членов триады или сменить тему разговора на такую, которая по их обоюдному мнению, будет приемлема для данной ситуации, или переключиться на другой язык (при условии, что они знают о невладении им молчащего наблюдателя). Иногда активные члены триады могут только вставлять в свою речь некоторые важные, по их мнению, иностранные слова и выражения или же прекратить процесс общения (то есть молчать). Все это будет являться естественной реакцией коммуникантов на изменение речевой ситуации.

В принципе молчащий наблюдатель может явно присутствовать при диалогическом дискурсе (эксплицитный молчащий наблюдатель) или быть в воображении одного или обоих активных членов триады (имплицитный молчащий наблюдатель). Последний может выступать в виде совести, общественной морали, авторитетного лица.

Из сказанного вытекает, что почти всякий дискурс можно представить как триаду, поскольку даже там, где, казалось бы, нет никаких признаков наличия молчащего наблюдателя, всегда можно «увидеть» присутствие авторитетного лица или голоса совести.

Необходимо отметить, что диалог в широком смысле – это не только вербальное общение двух говорящих, но и невербальный контакт одного человека с другим, с окружающей средой, с тем или иным произведением искусства, где также имеют место разнообразные психические процессы (ощущения, восприятие, эмоции и т.д.). Таким образом, следует особо подчеркнуть мысль о том, что вербальный уровень – это лишь так называемая «верхушка айсберга», так как большая часть взаимоотношений членов триады имплицитно реализуется именно на невербальном, прежде всего эмоциональном уровне.

При анализе обратной связи в диалогическом дискурсе терциарной речи в известной мере допустима субъективная интерпретация. Понимая суть взаимоотношения членов триады как на вербальном, так и на невербальном уровне, мы можем оценивать и прогнозировать поведенческие реакции, а также динамику их взаимоотношений (в частности наличие либо же отсутствие помех в характере обратной связи).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исследование различных по своей природе реакций обратной связи (конструктивных или деструктивных) в диалогическом дискурсе терциарной речи с эмплитным / имплицитным молчащим наблюдателем, представляющих собой сложные образования в совокупности универсальных лингвистических и экстралингвистических характеристик, способствует более глубокому пониманию и выявлению новых аспектов терциарной речи, которые невозможно определить при анализе обычного двустороннего диалога.

Литература

- Бабаян В.Н. Диалог в триаде с молчащим наблюдателем. Ярославль, 2008.
Бабаян В.Н. Дискурсивное пространство терциарной речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009.
Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : Курс лекций. М., 2001.
Розенцток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994.
Тарасов Е.Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
Харченко В.К. «Белые пятна» на карте современной лингвистики : книга рисков. М., 2008.

ИСТОРИЧНОСТЬ / ТРАДИЦИОННОСТЬ УСТНОГО КАНАЛА КОММУНИКАЦИИ

Е.В. Осетрова

Типичная модель речевого общения в качестве его срединной фазы включает *канал*, передающий от источника к адресату некое сообщение. Канал коммуникации – это реальная или воображаемая линия связи, материализованная в средстве передачи информации, по которой социально ориентированные тексты перемещаются от одного коммуниканта к другому.